

МАФИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

Волков Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербургский филиал ГУ–ВШЭ

Email: volkov@eu.spb.ru

Сегодня слово «мафия» используется очень широко. Им обозначают не только разнообразные формы организованной преступности, но часто и любые замкнутые сообщества, где возможности получения каких-либо благ ограничиваются кругом «своих» людей. Между тем, мафия имеет конкретно-историческое происхождение, ограниченный «ареал» распространения (южная Италия и США), а также специфические культурные и организационные формы. Во второй половине XX в. это явление стало предметом большого числа исторических, антропологических и социологических исследований, что дает возможность более узкого понимания и определения мафии, а также систематического сравнения с аналогичными явлениями в других странах. Одни исследователи акцентируют внимание на стремлении мафии к поддержанию неформального политического господства на подконтрольных территориях; другие – на формах социальной организации, ритуалах, этнокультурных особенностях; третьи рассматривают мафию как экономическое предприятие по производству и продаже определенных услуг. Первоначально, в 1960–1970–х гг. сицилийскую мафию исследовали с помощью этнографических и антропологических методов, прибавляя к этому немногочисленные исторические документы. Свидетельские показания высокопоставленных членов мафии, данные ими на судебных слушаниях в 1985–1997 гг., стали важнейшими источниками, которые были использованы исследователями мафии в рамках социологического и экономического подходов¹. Большинство исследователей сходится в том, что мафия представляет собой упрощенный аналог или субститут государства.

Генезис сицилийской мафии

Явление, известное как мафия, первоначально возникло и устойчиво воспроизводилось в нескольких провинциях острова Сицилия, в основном в западной его части, а также в южноитальянской провинции Калабрия. По свидетельствам членов сицилийской мафии, они называют свою организацию *Cosa Nostra* («наше дело»), а ее аналог в Калабрии носит название *Ndrangheta*, которое произошло от греческого слова, обозначающего «смелый», «благородный». В Неаполе также длительное время существует преступное сообщество, известное как *Camorra* («ссора»).

Исторически Сицилия находилась на перекрестке средиземноморских торговых путей, занимала важное стратегическое положение и постоянно подвергалась завоеваниям.

¹ Первые и наиболее известные показания были даны суду Палермо под председательством Джованни Фальконе (убит летом 1992 г.) в 1985 г. двумя главами мафиозных семей Томаззо Бускетта и Сальваторе Конторно.

Большую часть своей истории население острова прожило под властью других государств – греческого, нормандского и испанского. Феодалная Сицилия не имела собственной государственности, но ее жители, как отмечают многие исследователи, выработали неформальные механизмы самоуправления, которые позволяли поддерживать во многом самостоятельную жизнь, не зависимую от иностранного господства. Этот исторический фон создал локальную субкультуру, характерной чертой которой являлась враждебность к государству и склонность полагаться на свои силы. Конфликт с государством приобрел особую остроту после победной высадки на острове армии Джузеппе Гарибальди в 1863 г. и последующего создания единого итальянского государства.

Первое упоминание о тайных преступных сообществах на Сицилии относится к 1838 г. В докладе генерального прокурора Сицилии министру юстиции Бурбонского королевства говорилось: «Во многих деревнях существуют союзы или братства, что-то вроде сект, которые называются *partiti*, они не имеют политической окраски, целей, постоянных мест встречи и объединены только лишь общей зависимостью от своего главы, который в некоторых случаях является землевладельцем, в некоторых – священником. У них есть общий денежный фонд, служащий общим целям, иногда для освобождения от ответственности или защиты какого-нибудь официального лица, иногда для защиты обвиняемого, иногда для уголовного преследования невинных. Они (братства) образуют множество маленьких государств внутри государства². Первое систематическое описание мафии, свидетельствующее о ее устойчивости и влиянии, было опубликовано в 1876 г. Леопольдо Франчетти. Он представил ее как «индустрию насилия» – совокупность подпольных ассоциаций, имеющих законы, правила членства, санкции и промышленяющих незаконным насилием.

Классовая структура феодальной Сицилии вплоть до середины XIX в. состояла из владельцев латифундий (баронов) и крестьян. Испании так и не удалось создать на Сицилии эффективную полицию, и порядок на острове поддерживался частными армиями и частными охранниками (*campieri*). После отмены феодальной собственности на землю в 1812 г. началось формирование земельных и сельскохозяйственных рынков. При этом большая часть владельцев латифундий стала переезжать в города, продавая свои земли или сдавая их в аренду частным предпринимателям (*gabellotti*). Считается, что частично из габеллотти, частично из оставшихся не у дел частных охранников и начала формироваться мафия³. После объединения Италии на Сицилии были создана новая система государственной власти, введены новые законы и выборные органы. Началось формирование нового централизованного государства. Именно в период формирования государственности и рынков (последняя четверть XIX в.) и образовалась мафия.

Самим участникам тайных ассоциаций и братств термин «мафия» долгое время был неизвестен. Они употребляли слово «наше дело», «наши друзья», а себя называли *uomo di rispetto* – уважаемыми людьми, людьми чести. Термин «мафия» вошел в обиход благодаря театральной пьесе Пласидо Ризотто *I Mafiusi della Vicaria*, название которой можно перевести как «Крутые из Викарии» (Викария – тюрьма в Палермо). В ней идет речь о сообществе бесстрашных и агрессивных преступников, находящихся в тюрьме и являющихся членами влиятельного секретного сообщества со своими правилами, ритуалами, характерным поведением. Пьеса была поставлена в Палермо в 1863 г. и стала гвоздем сезона, будучи сыгранной в том же году 55 раз. В последующие двадцать лет на Сицилии и в Италии

² Цит. по: Paoli L. *Mafia Brotherhoods: Organized Crime, Italian Style*. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 33.

³ Подробнее см.: Catanzaro R. *Men of Respect: A Social History of The Sicilian Mafia*. N.Y.: Free Press, 1992.

ее играли более двух тысяч раз⁴. В пьесе термин «мафиози» употребляется в смысле «крутой», «надменный». Одна из реплик стала крылатым выражением того времени: «*Chu vurrissi fari u mafiusu cu mia?*», что в свободном современном переводе звучало бы как «Ты что, пытаешься крутого передо мной изображать?» По мнению большинства исследователей, благодаря этой пьесе термин «мафиози» и производное «мафия» стали устойчиво ассоциироваться с тайным преступным сообществом, которое в то время уже существовало, но не имело обобщающего имени. Функцию наименования – но не изобретения, а скорее артикуляции уже существовавшей совокупности практик и социальных форм – выполнило, как это часто случается, произведение искусства.

К началу XX в. мафия заняла прочное место в политике и экономике южной Италии, насчитывая вместе с калабрийской *ндрагетой* более 200 относительно автономных братств или «семей», каждая из которых контролировала определенную местность или населенные пункты. Численность некоторых семей не превышала 10 человек. Систематическая борьба с мафией началась в 1920-х годах после прихода к власти фашистов во главе с Муссолини и установки на политику укрепления государства. Именно в этот период в уголовном кодексе появился термин *associazione a delinquere*, «преступное сообщество», который позволил комиссару Чезаре Мори, префекту Палермо, назначенному в 1924 г., арестовывать и сажать в тюрьму сотни мафиози. Борьба с мафией велась чисто репрессивными мерами, без особой заботы о правовых и процессуальных аспектах. Имея неограниченные полномочия, полиция просто стремилась выявить наиболее активных членов мафии, поймать их и посадить в тюрьму под любым предлогом. Так, во время операции против клана Грисафи в течение одной ночи подчиненные Мори арестовали 357 человек по подозрению в принадлежности к мафии или сотрудничестве с ней⁵. Прекрасно понимая, что основой власти мафии является насилие, Мори открыто признавал, что он борется с мафией ее же средствами: «Если сицилийцы боятся мафии, то я докажу им, что я самый могущественный мафиозо»⁶. Мори также стремился лишить мафию морального авторитета, обесчестить мафиози в глазах населения. По его распоряжению полиция конфисковывала имущество и скот членов мафии, устраивая праздничные раздачи населению и демонстрируя, что «уважаемые люди» не в состоянии защитить свою собственность, а значит, более не могут претендовать на уважение.

Спасаясь от преследований, многие мафиози эмигрировали в США, пользуясь каналом, налаженным одним из самых знаменитых мафиозо Вито Качио Ферро. В США в то время как раз начался период сухого закона и расцвета бутлегерства, что создавало благоприятные условия для роста организованной преступности. Этот рост, в свою очередь, происходил во многом за счет массового прибытия свежего контингента с Сицилии. В 1928 г. Мори объявил об успешном окончании борьбы с мафией и восстановлении государственности. Действительно, в период фашистской диктатуры влияние мафии было очень слабым. Но в 1943 г. американские войска высадились на Сицилии и начали освобождение острова от фашизма. Для успешной операции им, естественно, требовались союзники, информанты, проводники и т.п., которые нашлись в большом количестве в итальянских кварталах американских городов среди обосновавшихся там «уважаемых людей». Так вместе с триумфальным освобождением Сицилии буквально «на броне» американских танков мафия вернулась и снова заняла господствующие позиции в политико-экономической жизни острова.

⁴ Исследование было проведено Д. Новако. Цит. по: Gambetta D. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Harvard: Harvard University Press, 1993. P. 136–137.

⁵ Blok A. *The Mafia of a Sicilian Village: A Study of Violent Peasant Entrepreneurs*. Prospect Heights: Waveland, 1974. P. 135.

⁶ Цит. по: Arlacchi P. *Mafia Business: The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism*. L.: Verso, 1987. P. 16.

Послевоенная эволюция мафии во многом определялась ее активным вовлечением как в нелегальную, так и в легальную экономику южной Италии. С началом послевоенной индустриализации южной Италии и активного развития инфраструктуры мафия фактически монополизировала государственные субподряды на строительство дорог, заводов, нового жилья. Это позволило повысить доходы преступных организаций. Из сельского дона, заботившегося о местном населении и вершившего справедливость, мафизо постепенно превращался в городского гангстера-предпринимателя, а богатство становилось альтернативным источником статуса. Пино Арлакки одним из первых описал процесс превращения мафии в капиталистическое предприятие и последовавший за этим кризис традиционных ценностей и потерю легитимности. После того как в 1970 г. американская полиция ликвидировала основной канал поставок героина в США через Марсель (известный как *French Connection*), высокодоходные поставки наркотиков были налажены через Сицилию. Это означало нарушение традиционного морального запрета на наркоторговлю, долгое время соблюдавшегося мафией. Именно внутреннее разложение мафии облегчило задачу борьбы с ней, которую на этот раз возглавили коммунисты. В 1983–1984 гг. в Палермо прошли масштабные судебные слушания (*Palermo maxi-processi*), на которых впервые двое глав мафиозных семей, Томаззо Бускетта и Сальваторе Конторно, нарушили обет молчания и дали обличающие показания. Всего в судебном процессе фигурировали 474 члена мафии, 254 из которых были приговорены к различным срокам заключения. К концу XX в. влияние мафии заметно ослабло. Этому способствовало активное преследование членов преступного синдиката, продолжившееся в 1990-е гг., а также снижение преступных доходов, вызванное как уменьшением государственных расходов на строительство в Сицилии, так и изменением географии мировых наркопотоков, которые теперь обслуживаются более мелкими этническими группами, близкими к местам производства наркотиков.

Мафия как субкультура, политическое сообщество и предприятие

Мафия – одна из самых интенсивно эксплуатируемых тем в кино и литературе. Члены подпольных синдикатов предстают то как кровавые убийцы в темных очках с автоматами и на черных машинах, то как защитники обездоленных и последний оплот традиционных семейных ценностей – жутковатые, но в общем-то симпатичные и трагические персонажи. Аура мафии, созданная великой силой искусства, затрудняет понимание этого явления, романтизируя его или, наоборот, сводя к обыкновенному криминалу с примесью эстетики. Что же представляет собой мафия с точки зрения социологии? Каковы основные парадигмы «мафиологии» и какие социологические теории применялись для объяснения ее появления, деятельности и эволюции? Условно можно выделить три основных способа интерпретации мафии в зависимости от того, какому аспекту ее деятельности уделяется основное внимание и какие социологические подходы или исследовательские методы при этом используются: субкультурный, политологический и экономический подходы. Кроме того, различные подходы по-разному отвечают на вопрос о том, существует ли мафия как единая хорошо структурированная организация (и вообще существует ли она как таковая).

Субкультура или организация?

Немецкий социолог Геннер Гесс, проводивший свое исследование в 1960-е гг., исходил из структурно-функциональной логики, типичной для социологии того времени. В своей книге «Мафия и мафиози: структура власти» (1973) он утверждал, что мафия является прежде всего субкультурой и набором поведенческих образцов, которые в контексте социальной структуры Сицилии выполняют ряд важнейших функций. Такой подход привел его к утверждению, что мафии, по сути, нет. «Мафия – это не организация и не секретное общество, а метод, – пишет Гесс. – В своих общественных отношениях мафиозо использует

физическое насилие или угрозу насилия. С помощью частного применения или угрозы насилия, которые государство считает противозаконными, мафиозо не только достигает повышения своего благосостояния или престижа, но и выполняет определенные функции в рамках субкультурной системы, оказывая услуги другим.»⁷

Согласно такой точке зрения, поведение мафиозо выражает идеальные представления о сицилийском характере. Основной чертой этого поведения является требование уважения (*rispetto*) со стороны других и соблюдение соответствующего поведенческого кодекса чести, известного как *omerta*, «способность быть мужчиной», а также постоянная забота о поддержании и повышении собственного социального статуса. На практике это выражалось в следующих нормативно санкционированных чертах поведения. Во-первых, человек, претендующий на статус мафиозо, должен быть готов к насилию, к тому, чтобы отстоять свою собственность, интересы, решительно отомстить за нанесенный ущерб или оскорбление, причем сделать это самостоятельно, без помощи официальных властей и вопреки возможным санкциям. По свидетельству Франчетти, на Сицилии «наиболее действенный способ заставить себя уважать – заработать репутацию человека, совершившего несколько убийств»⁸. Во-вторых, принцип *omerta* предполагал умение хранить тайну, не распространять информацию за пределы доверенного круга, не делиться ею с официальными властями, в идеале, – отказ от всякого обмена или сотрудничества с последними. Эта особенность отражала свойственное традиционной сицилийской культуре стремление полагаться исключительно на собственные силы и укоренившуюся веками двойную мораль. В-третьих, кодекс чести содержал также нормы поведения, регулирующие отношения между мужчинами и женщинами и касающиеся сферы семьи. Если сицилийский мужчина являлся защитником всех женщин в своей семье, то мафиозо выступал в этой роли по отношению к сообществу в целом. Отказ мужчины от ранее данного обещания вступить в брак автоматически означал бесчестье для женщины, особенно в случае, если ее ближайший родственник не мог принудить к выполнению обещания или отомстить. Мафиозо не только являл собой образец мужского патронажа в рамках своей кровной семьи, но и осуществлял принуждение или месть, а тем самым защищал женщин или честь других семей в рамках сообщества. По данным Арлакки, из всех убийств, произошедших на равнине Джойя Тауро с 1940 по 1950 г., более 60% были связаны с сексуальным насилием, похищением женщин или расторгнутыми помолвками⁹. Таким образом, все поведение мафиозо или мужчины, стремящегося им стать, было подчинено фанатической заботе о чести, завоеванию уважения в глазах сообщества путем использования насилия, а также контроля за соблюдением традиционных моральных норм и запретов. Это позволяло достигать высокого статуса, источником которого был объем общественного уважения, что в свою очередь позволяло занять господствующую политическую позицию. При этом мафиозо – это социальная роль или функция, а не должность или профессия. Сторонники этой точки зрения указывают на то, что мафиозо мог иметь любой профессиональный статус. Формально он мог быть арендатором, пастухом, врачом, охранником или даже крестьянином, но благодаря своему поведению и соблюдению кодекса чести он становился «уважаемым человеком» и мог отправлять важнейшие политические функции (об этом ниже), постепенно меняя содержание деятельности, источник дохода и совершая восходящую мобильность.

Рассмотрение мафии как субкультуры ведет к тому, что основное внимание уделяется индивидуальному поведению, а сама мафия рассматривается либо как «метод» (Гесс), либо как слабо структурированная сеть авторитетных посредников, ставших таковыми в силу обладания качествами, особо ценимыми в местном социокультурном контексте. Но такая

⁷ Hess H. *Mafia and Mafiosi: The Structure of Power*. L.: Saxon House, 1973. P. 127.

⁸ Цит. по: Paoli L. *Op. cit.* P. 74.

⁹ Arlacchi P. *Op. cit.* P. 8.

точка зрения, сформировавшаяся отчасти из-за недостатка надежных свидетельств об организации и внутренней жизни мафии, во многом соответствует легитимирующей идеологии самой мафии и ее склонности отрицать свое существование. Это хорошо выражено в определении мафии, данном с позиций самих сицилийцев, которое воспроизвел в своих этнографических очерках Джузеппе Питре в конце XIX в.: «Мафия это не секта и не организация; у нее нет ни правил, ни законов. [...] Мафиозо – это просто смелый человек, который не потерпит провокации; и в этом смысле каждому человеку следовало бы быть мафиозо. Мафия – это определенное сознание своего бытия, преувеличенная значимость индивидуальной силы и мощи как главного и единственного средства разрешения любого конфликта, столкновения интересов или идей»¹⁰.

Однако новые свидетельства, полученные в ходе судебных процессов, дали основания поставить эту точку зрения под сомнение. Данные о ритуалах приема и исключения, о наличии выборных и административных процедур и иерархической организации способствовали изменению представлений о природе мафии. На основе таких данных написана недавно вышедшая книга социолога Летиции Паоли «Мафиозные братства: организованная преступность, итальянский стиль» (2003). Ее автор, в частности, утверждает, что мафия обладает устойчивой организацией, не совпадающей с кровнородственными связями.

Во главе каждой семьи или группы (*cosca*) стоит выборный глава мафии (*rappresentante* или *capomafia*), который, в свою очередь, имеет одного или двух советников (*consigliere*), а также заместителя на случай ареста или других чрезвычайных обстоятельств. Кроме того, глава назначает *capì decina* (буквально, «десятников»), которые руководят группами по 8–10 человек (т.е. это аналог наших «бригадиров»). Средняя численность семьи – около 20 человек, хотя самые крупные насчитывали более 50. Согласно свидетельским показаниям, традиция мафии предполагала прямую демократию, т.е. выборы главы семьи на общем собрании, однако впоследствии во многих мафиях происходила узурпация власти представителями одного кровного рода и передача ее по наследству. Вместе с тем действительная история знает и массу случаев, когда замена главы семейства происходила насильственным способом, что являлось серьезным ограничением узурпации и наследованию власти. К 1950-м гг. на Сицилии начали создаваться специальные органы координации более высокого порядка, так называемые провинциальные комиссии – коллегиальные органы, в которых были представлены семьи, действовавшие в определенной провинции или местности (первая такая комиссия была создана в Палермо, где насчитывается до 18 независимых семей). Каждая мафиозная семья имела право делегировать в комиссию своего представителя (*capo mandato*), который должен был быть рядовым членом, а не главой семьи. Такие комиссии были призваны разрешать споры и конфликты между семьями, выносить приговоры и регулировать насилие. Так, считается, что решения об убийствах в Палермо представителей власти, политиков и журналистов принимала исключительно провинциальная комиссия. Позже, в середине 1970-х гг. с целью более широкой координации и по инициативе Пиппо Калдероне, главы мафии города Катанья, была создана региональная комиссия, в которую вошли представители шести из девяти сицилийских провинций (в трех восточных провинциях острова влияние мафии незначительно). Несмотря на то что комиссии регулярно собирались и принимали решения, их действительная власть над отдельными семействами была невелика, поскольку у комиссий не было своего исполнительного органа.

В 1980-е гг. изначальные принципы «мафиозной демократии» начали ослабевать по мере того, как стала набирать влияние мафиозная семья Корлеоне, возглавляемая Сальваторе «Тото» Риина. Последний сначала централизовал управление внутри семейства, устранив

¹⁰ Arlacci P. Op. cit. P. 6.

промежуточные звенья в виде советников и десятников, а затем путем убийств и договоров с другими семьями создал коалицию, взявшую под контроль наиболее доходную территорию – Палермо. Поставив секретарем провинциальной комиссии Палермо своего человека, Риина сумел превратить этот орган в инструмент дальнейшей централизации. То же самое было впоследствии проделано и с региональной комиссией. По мнению экспертов, к концу 1980-х гг. на Сицилии наметились явные признаки централизации деятельности мафии под руководством корлеонской семьи и «Тото» Риина, а также – как реакции преступного мира на энергичные действия официальных властей – возрождения традиционных ценностей¹¹.

Аргументом в пользу существования мафии как устойчивой организации или секретного сообщества стали также данные о ритуалах приема и принципах членства. По мнению Паоли, членство в мафии нельзя охарактеризовать ни в терминах рациональной бюрократии, ни в терминах утилитарного контракта, когда стороны обмениваются благами или услугами. Наиболее адекватной является веберовская категория «статусный контракт», описывающая отношения, свойственные доиндустриальным обществам и отличные от целерационального контракта. Статусный контракт предполагает тотальное изменение правового и социального статуса человека, который связывает себя таким контрактом, как если бы новая «душа» вселилась в его тело и он бы обрел новое качество, полностью отдавая себя в распоряжение нового сообщества. По словам судьи Фальконе, принятие в члены мафии «налагает на человека пожизненные обязательства. Вхождение в мафию аналогично религиозной конверсии. Невозможно уйти на пенсию из церкви или из мафии»¹². Такой тип сообщества называется «братством», что подчеркивает аналогию с кровно-родственными узами, которые должны иметь первенство перед всеми остальными и не поддаются расторжению. Благодаря членству в таком братстве «людей чести» человек получает и более высокий, квази-аристократический статус, ибо мафия налагает на своих членов печать избранности и исключительности. Соответственно выход из такого статусного контракта живым практически невозможен, что подтверждалось свидетельскими показаниями.

Вступление в мафию представляет собой ритуал перехода, предполагающий определенные символические действия, интенсивные эмоции и, как следствие, внутреннее преображение и приобретение новой идентичности. Церемония инициации включает представление кандидата общему собранию мафии; описание правил, которые следует соблюдать; произнесение ритуальной клятвы. Новичку предписывают отречься от всех своих прежних связей и аффилиаций, а также соблюдать строжайшую секретность. Клятва символически связана как с кровью, так и с религиозными католическими атрибутами. Во время клятвы крестный отец, представивший кандидата, делает надрез на указательном пальце его руки, и кровь должна окропить бумажную иконку с изображением святого или святой (чаще всего это Святая Дева Благовестница), которую потом поджигают. Пока иконка горит, кандидат произносит клятву: «Я сжигаю тебя как бумагу, но боготворю тебя как святую; эта бумага горит, и пусть же мое тело сгорит, если я предам *Cosa Nostra* (т.е. буквально, “наше дело”)». В других вариантах клятва звучал так: «Я вступаю в *Cosa Nostra* кровью и я выйду из нее только кровью». Часто вновь испеченный мафиозо должен был в последующие дни совершить убийство по поручению семьи¹³.

Несмотря на то что действительные кровно-родственные связи играют большую роль в социальном воспроизводстве мафии – часто в мафиозную семью входят родные и двоюродные братья, а лидерство и членство передается по наследству, – свидетельства

¹¹ Paoli L. Op. cit. P. 51–64.

¹² Ibid. P. 73.

¹³ Ibid. P. 65–72.

наличия социальной организации, отличной от кровного родства и воспроизводимой посредством особых правил, символов, практик и ритуалов, привели к изменению взглядов на природу мафии. Мафия теперь представляется не как совокупность взаимодействующих индивидов, характеризующихся специфическим поведением, а как устойчивые организации, координирующие свою деятельность с помощью специальных органов.

Мафия как политическое сообщество

Интерпретация мафии как политического явления опирается на политическую социологию М. Вебера и его последователей, а также на социологию права. Исходным моментом для объяснения генезиса сицилийской мафии выступают проблемы и противоречия, сопутствовавшие формированию государственности на Сицилии после отмены феодализма и присоединения к Италии. В XIX в. Сицилия отличалась высоким уровнем насилия, пережив две революции, несколько крестьянских восстаний и войну. Разгул бандитизма и грабежей стал особенно острой проблемой после роспуска частных армий, охранявших владения баронов и обеспечивавших порядок. Но создание нового объединенного государства не решило проблему порядка. Плохая организация, непопулярная политика (воинская повинность, повышение налогов), а также враждебное и недоверчивое восприятие государства населением острова (как нового завоевателя), способствовало тому, что официальные власти не могли эффективно выполнять свои функции, и граждане отказывались от какого-либо взаимодействия с ними. Образовавшийся вакуум власти оказался заполнен неформальными братствами «уважаемых людей». Государство было не способно представлять и защищать интересы основных классов, регулировать противоречия и конфликты, которые возникали между владельцами земель, арендаторами и крестьянами. Американский антрополог Антон Блок, проживший несколько лет в сицилийской деревне, определил мафиози как «фигурацию политических посредников» (термин заимствован у Н. Элиаса), которые регулировали отношения между основными классами, а также служили связующим звеном между местным сообществом и представителями центральной власти¹⁴. К концу XIX в. многие местные полицейские чины и мэры некоторых городов были членами мафии. Политика кооптации мафии во власть стала вынужденным компромиссом, который позволял Риму сбалансировать фактическую политическую автономию острова. Выборные депутаты также полностью зависели от главы местной мафии, авторитет которого давал ему возможность «попросить» электорат сделать ему одолжение и проголосовать за того или иного кандидата.

Каждая мафиозная «семья» или клан (*cosca*) претендовала на монопольное право регулировать социально-экономическую жизнь определенной местности (в деревне или части города). Любое преступное деяние или акт насилия, который планировался в определенной местности, должен был быть согласован с главой мафии, в противном случае его исполнители рисковали жизнью. По мнению многих исследователей, традиционный сельский мафиозо пользовался действительным уважением населения, его власть и эпизодически применяемое насилие были легитимны. Даже главный обвинитель мафии судья Фальконе признал, что «многие годы мафия вносила свой вклад в то, чтобы остановить хаос и полную дезинтеграцию сицилийского общества»¹⁵. Суммируя исследования Блока, Гесса, Арлакки и Паоли, можно выделить следующие политические функции мафиозо.

Охрана собственности и жизни. В условиях высокого уровня насилия и преступности и в контексте низкой эффективности и слабого авторитета официальных властей мафия стала основным институтом по поддержанию порядка и справедливости – в соответствии с их

¹⁴ Blok A. Op. cit. P. 5–16.

¹⁵ Цит. по: Paoli L. Op. cit. P. 178.

местным традиционным пониманием. В случаях кражи скота или имущества население обращалось за помощью к мафии, и во многих случаях похищенное возвращалось. По данным полиции времен «железного префекта» Мори, в 75% случаев кражи скота полиция не могла достичь каких-либо результатов; в 15% официальным властям удавалось найти похитителей и только в 10% – вернуть похищенное. Вмешательство мафии было успешным на 95% и обеспечивало возврат 70% украденной собственности¹⁶. Одно из правил, установленных мафией, состояло в том, что воры должны были ждать 24 часа, прежде чем сбывать украденное. Если потерпевший не обращался в полицию, а приходил к местному *capomafia*, то это значительно облегчало поиск украденного. При этом нарушители данного правила или люди, совершавшие убийства без ведома мафии (включая и убийства, совершаемые членами мафии без согласования с главой семейства), подвергались наказанию или убивались. Так, по данным итальянской полиции, некий гангстер Сальваторе Файа был убит в Палермо в 1989 г. за то, что он ранее убил любовника своей жены без санкции главы мафиозного семейства Бранкаччо, на территории которого было совершено это преступление.

За охрану порядка и собственности мафия собирала взнос, который назывался *pizzu*. Его должны были платить как деревенские арендаторы, торговцы, пастухи и т.д., так и владельцы магазинов и компаний в городах. Этот взнос давал определенную гарантию безопасности и право обращаться за помощью, но отказ от уплаты влек за собой угрозы, уничтожение имущества или даже расправы. Другой формой охранных платежей было устройство членов мафии на работу на фермы или в компании с выплатой высокой зарплаты или принуждение к покупке продукции по завышенным ценам у фирм или поставщиков, назначенных мафией.

Посредничество. Повседневная деятельность любого главы мафии состояла в приеме многочисленных людей с жалобами, проблемами, сборе информации о конфликтах и противоречиях в данной местности, урегулировании споров по поводу имущества, земельных наделов, долгов, а также личных конфликтов. Мафия давала гарантии выполнения работодателями своих обязательств по отношению к бесправным работникам, но во время массовых выступлений могла защищать интересы собственников, помогая подавлять бунты. Кроме того, мафия опосредовала отношения местных сообществ с центральными властями и национальным рынком. Согласно полицейскому донесению, глава семейства города Санта Мария дель Гезу дон Паоло Бонтаде исполнял роль «традиционного *capomafia*, который вмешивается напрямую во все вопросы на своей территории, осуществляя посредничество в частных конфликтах, беря на себя роль великого защитника своих граждан, проникая в государственные офисы и частные компании, распространяя свое влияние посредством коварной системы скрытых угроз, формально прикрытой корректным и уважительным поведением»¹⁷.

Поддержка морального порядка (социальная интеграция). Мафия также выполняла функцию подавления отклоняющегося поведения и тем самым обеспечивала соблюдение кодекса, который в основных чертах совпадал с традиционной моралью аграрной Сицилии. Легитимность мафии во многом основывалась на ее способности преподнести себя как блюстителя местных обычаев, защищающего их от влияния внешнего мира. *Capomafia* выступал как защитник семейных ценностей, запрещая членам мафии вступать во внебрачные сексуальные отношения и наказывая нарушивших запрет. До начала 1960-х гг. мафия соблюдала моральный запрет на извлечение доходов от организации наркоторговли, проституции, азартных игр. Но с разложением традиционных моральных устоев и переориентацией мафии на извлечение предпринимательского дохода, в том числе от

¹⁶ Цит. по: Agricci P. Op. cit. P. 34.

¹⁷ Paoli L. Op. cit. P. 162.

наркоторговли, мафия перестала выполнять эту функцию, что постепенно привело к потере легитимности.

В своей книге Паоли пришла к выводу, что нормативная система, установленная Коза Нострой и Ндрагетой и основанная на систематическом использовании секретности и насилия, «конституирует правопорядок [legal order], альтернативный государству»¹⁸. Согласно плюралистической теории права, признаком правопорядка является наличие двух типов правил и специально выделенной группы или организации, ответственной за вынесение правовых суждений и исполнение наказаний¹⁹. Правила первого типа регулируют поведение людей, а правила второго типа позволяют идентифицировать или менять правила первого типа, а также определять факты их нарушения и применять санкции. На сегодняшний день нет надежных свидетельств наличия у мафии письменных (формальных) законов или процедур, регулирующих их изменения. Однако, по крайней мере с конца XIX в., и сицилийские, и калабрийские мафиозные семьи оперируют четкими правилами вынесения судебных решений [rules of adjudication], а наказание осуществляет не потерпевший, а другие члены мафии. Конфликты между членами мафии рассматриваются провинциальными или региональными комиссиями. С 1957 г. насилие в отношении другого члена мафии санкционировано только в случае наличия непосредственной угрозы жизни. Что касается конфликтов и «правонарушений» обычных жителей подконтрольной территории, то их дела обычно рассматривались собранием мафиозной семьи. Но кроме этого суда «первой инстанции», в Калабрии, например, существовал еще провинциальный суд, игравший роль верховного суда. Он состоял из трех *capomafia*, контролировавших три административных района Калабрии, а также еще нескольких авторитетных мафиози²⁰.

Несмотря на то, что мафия претендует на контроль за применением насилия на определенной территории и стремится поддерживать некоторый правопорядок, полное отождествление мафии с государством было бы неоправданно. По сравнению с современным государством мафия является более традиционным, архаичным и менее дифференцированным институтом, системой правления и регулирования социальных отношений, свойственной доиндустриальным обществам. «Законы» мафии во многом базируются на традиционной морали и обычаях, поэтому теряют свою силу по мере детрадиционализации итальянского юга. Кроме того, степень дифференциации управляющих функций в мафии низкая по сравнению с государством, т.е. административная, законодательная и правоприменительная власть сосредоточена либо у одного лица, *capomafia*, либо в провинциальной или региональной комиссии. В целом мафию можно рассматривать как совокупность недоразвитых протогосударств, которые, однако, не смогли одержать верх над своими конкурентами. Паоли приходит к следующему выводу: «Мафиозные сообщества представляют собой случаи политических сообществ, институционализация которых незавершена. Они выступают в качестве политического органа по отношению к своим членам, но на протяжении истории боролись – с разной степенью успеха – за то, чтобы навязать свой архаичный порядок всему населению своей территории и придать ему легитимность»²¹.

¹⁸ Paoli L. Op. cit. P. 120.

¹⁹ Здесь Паоли исходит из влиятельной теории права Х. Харта. См.: Hart H. The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1994.

²⁰ Ibid. P. 128.

²¹ Ibid. P. 172.

Мафия как экономическое предприятие

Многие исследователи (Франчетти, Гесс, Арлакки) обращали внимание на экономический аспект деятельности мафии – как на ее стремление к извлечению дохода, так и на ее роль в локальной хозяйственной системе. Но содержательно-экономический аспект деятельности мафии, который присутствует наряду с другими аспектами, следует отличать от формально-экономической модели мафии как предприятия или фирмы, занимающейся производством и продажей определенных услуг. Последнее означает описание структуры и деятельности мафии исходя из логики извлечения дохода посредством рыночного обмена, вне зависимости от того, как понимают свои действия сами участники и как они представляются своим клиентам. По сути, это применение теории рационального выбора для анализа явления, которое на первый взгляд представляется традиционным или даже экзотическим.

Наиболее полно и последовательно этот подход выражен в книге социолога Диего Гамбетта «Сицилийская мафия: частный охранный бизнес» (1993)²². Если деятельность мафиозо содержит определенную полезность, то необходимо понять суть услуг, которые он производит, источник спроса на них, ресурсы, требуемые для производства этих услуг, способы их реализации и т.д. Гамбетта исходит из того, что мафиозо по сути является посредником на экономическом рынке; он производит и продает специфический товар под названием «охрана» [protection]. Именно охрана, а не насилие как таковое имеет определенную полезность, цену, а также издержки, требуемые для его производства. Но охрана выступает не столько как физическая защита, сколько как определенные гарантии, которые мафиозо дает продавцам и покупателям на рынках с повышенным уровнем риска. Последнее обстоятельство важно, поскольку именно риски, связанные с низкой защищенностью собственности, склонности к недобросовестному поведению и, как следствие, низкий уровень доверия создают спрос на услуги мафии. Иными словами, посредничество мафиозо гарантирует, что покупателю не продадут «лимон» (некачественный товар), что продавца не ограбят по дороге на рынок, и т.п.²³ На рынках с высоким уровнем риска и низким уровнем доверия экономический обмен и соответственно прибыльная торговля затруднены без посредничества инстанции, которая может принудить обе стороны к соблюдению условий соглашения или прав другой стороны. Покупатель платит мафиозо за то, что тот защищает его от недобросовестного поведения продавца, а продавец – за то, что ему доверяет покупатель. Благодаря такому контракту, пишет Гамбетта, «возникает новое равновесие, и даже в простом мире, состоящим всего из трех агентов – продавца, покупателя и мафиозо, – каждый получит преимущество. Трансакционные издержки будут выше, чем в мире полного доверия, но выгода тоже будет выше, чем при отсутствии трансакций»²⁴.

Гамбетта последовательно проводит аналитическое различие между рынком охранных услуг и рынком обычных товаров и услуг. В условиях Сицилии развитие первого стало условием формирования и функционирования последнего. Вместе с тем деятельность мафии и ее интерес в сохранении своих доминирующих позиций уменьшали эффективность обычных

²² Gambetta D. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Harvard: Harvard University Press, 1993. См. также краткий реферат книги Гамбетты в работе: Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Под ред. Л.М. Тимофеева, Ю.В. Латова. М.: РГГУ, 1999. С. 58–63; и обзор экономических теорий организованной преступности: Латов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. С. 68–122.

²³ О проблеме «лимона» см.: [Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 91–104.](#)

²⁴ Там же. С. 21.

рынков и консервировали отсталость южной Италии. Мафия предоставляла несколько видов защиты своим клиентам. Кроме очевидной физической охраны и защиты от недобросовестного поведения, описанных выше, мафия осуществляла защиту от конкуренции. Например, в строительной сфере в Палермо мафия поддерживала картель, допуская на рынок подрядов только ограниченное количество фирм, поскольку рост числа рыночных агентов приближал бы предоставляемую мафией охрану к общественному благу и затруднял бы контроль, распределение возможностей получения прибылей фирмами и сбор налога мафией. «Именно по этой причине мафиозо продает защиту как благо, которое может потребить один агент, только если другие не могут это сделать. И конкуренция развивается во вредном направлении, поскольку другие фирмы входят в бизнес в меньшей степени за счет улучшения качества своих товаров и конкурентоспособности цен, чем за счет развития тех навыков (в пределе – навыков военного характера), которые позволяют пользоваться монополистической властью мафиозо и его окружения»²⁵. Кроме того, мафия сама заинтересована в поддержании высокого уровня недоверия на рынках и в том, чтобы время от времени были пострадавшие от недобросовестных сделок или сторонней агрессии. Это касается прежде всего хозяйственных субъектов, не являющихся клиентами мафии, однако знание о таких сделках препятствует повышению уровня доверия и перехода к двусторонним контрактам, исключая мафию. Не отрицая, как и другие подходы, определенную функциональность мафии, экономическая модель показывает отрицательные следствия ее господства на рынках, которые заключаются в поддержании менее эффективной конкурентной ситуации и институтов, что в свою очередь, ведет к проблеме хронической недоразвитости и низких темпов экономического роста.

Для производства охраны требуются специфические ресурсы. К таким специфическим ресурсам относятся прежде всего информация (секретность), насилие и репутация. С одной стороны, мафия отличается гипертрофированным культом секретности во всем, что касается ее собственной жизнедеятельности. Это служит получению преимуществ для обеспечения охранной деятельности, позволяя снизить степень уязвимости перед конкурентами из других семей или официальными властями. «*Omerta* не является, как полагали многие, просто традиционным кодексом, который формировался в течение длительного периода иностранного господства и сохранился по инерции; не является он только средством недопущения государства в сферу деятельности мафии. Она является ключевой частью способности выступать в качестве предпринимателя в области охраны. В этом – одно из различий между продажей автомобилей и продажей охраны. Если в последнем случае наша частная жизнь не обязательно является индикатором того, насколько надежны будут наши автомобили, то в случае с охраной [...], то, что мы есть – или кем мы хотим казаться, – считается одним из важнейших признаков надежности», – утверждает Гамбетта²⁶.

С другой стороны, важнейшей частью деятельности мафии является добывание и управление информацией. Рядовые члены мафии все время находятся в людных местах, общаются с населением и бизнесменами, наблюдают, дают задания своим информаторам. Это связано с необходимостью знать о сделках, преступлениях, замыслах, конфликтах, экономической деятельности и прочих аспектах жизни на подконтрольной территории – для того чтобы осуществлять эффективную охрану, разрешение споров, устрашение и посредничество. Лучшая информированность позволяет более эффективно распоряжаться другими доступными ресурсами.

Понятно, что насилие и угрозы являются ключевым ресурсом для производства охраны, поскольку дают возможность к принуждению и контролю. Поэтому решительность в применении силы и готовность к убийству обусловлены не столько культурой как таковой,

²⁵ Акерлоф Дж. Указ. соч. С. 23.

²⁶ Там же. С. 39.

сколько логикой бизнеса. При этом применение силы является частью самого бизнеса, поскольку демонстрирует возможности надежной защиты и создает соответствующую репутацию. Конкуренция между мафиозными семьями как охранными предприятиями неизбежно носит насильственный характер, поскольку отступить означает показать неспособность к защите своих клиентов, а успешное насилие, наоборот, является мощнейшим маркетинговым средством продвижения охранных услуг. Интенсивность насилия в южной Италии объясняется не столько темпераментом или культурными кодами, сколько фактором репутации, который сам по себе является важнейшим ресурсом в охранным бизнесе. Сама репутация, воплощенная в имени «уважаемого человека» или мафиозной семьи, играет роль охранной грамоты без необходимости предпринимать какие-либо действия. В этом специфика репутации в охранным бизнесе – в отличие от других сфер хозяйственной деятельности, где репутация подтверждает надежность поставщика, способствует сохранению прежних клиентов и привлечению новых, но не влияет на издержки производства товара или услуги, – надежная репутация сама выступает как ресурс, который экономит издержки, поскольку автоматически производит эффект сдерживания. Собственность на имя и воплощенную в нем репутацию является аналогом собственности на торговую марку, и многие действия мафиози по регулированию использования своего имени или защите чести по сути аналогичны защите торговой марки.

Гамбетта применяет экономическую логику и для объяснения генезиса мафии на Сицилии, которая господствует преимущественно в западной части острова. С одной стороны, исторические обстоятельства создали спрос на охранные услуги. К таким обстоятельствам можно отнести отмену феодализма, введение частной собственности, формирование рынков. С другой стороны, на Сицилии возникло избыточное предложение людей, готовых к насилию, – бывших охранников поместий, служащих частных армий, вернувшихся с войны солдат, просто бандитов, которые к тому же создавали и дополнительные угрозы хозяйствующему населению. Западная Сицилия была более богатым районом с более интенсивной хозяйственной деятельностью, что, по мнению Гамбетты, и обусловило более широкое распространение мафии на западе. Таким образом, историческая конstellация факторов спроса и предложения обусловила появление специфических предприятий, заменивших собой государство.

Экономическая модель мафии действительно проясняет и позволяет рационально объяснить многие поведенческие особенности ее членов. Она также несет в себе критический потенциал, отрицая культурную предрасположенность некоторых народов к преступной деятельности, что иногда предполагает субкультурный подход. Мафия или аналогичные структуры могут возникнуть там, где появляется сочетание специфических обстоятельств, способствующих возникновению рынка частной охраны и появлению независимых поставщиков соответствующих услуг вне связи с этнокультурной спецификой страны или сообщества, т.е. исключительно под действием экономических стимулов. Аналогичные явления наблюдались в США, Японии, Гонконге и России. Однако эта модель не в полной мере объясняет само формирование соответствующих организаций, их воспроизводство и эволюцию. Воспроизводство мафии на Сицилии на протяжении многих поколений невозможно объяснить лишь устойчивостью рынка, как если бы он был автономен от местной культуры, политики и действий самой мафии. Поэтому адекватное объяснение мафии возможно лишь путем наполнения той или иной модели конкретными историческими и социокультурными деталями.

Мафия в США

В отличие от сицилийской мафии, организованная преступность в США формировалась преимущественно в сферах противозаконной деятельности или торговли, таких, как распространение наркотиков, подпольное производство алкоголя, проституция, азартные

игры и т.д. Основной деятельностью подпольных синдикатов, состоявших в основном из ирландских и еврейских эмигрантов, была торговля опиумом и кокаином после того, как в 1914 г. правительство приняло «Закон Гаррисона», запретивший свободную продажу этих наркотиков. К этому времени уже сформировался устойчивый спрос на опиаты и кокаин, поскольку число наркоманов, среди которых были в основном белые состоятельные женщины среднего возраста, достигло, по некоторым оценкам, 500 тыс. человек. Центром импорта и дальнейшего распространения наркотиков стал город Филадельфия, а лидером картеля – Арнольд Ротштейн по кличке «Мозг»²⁷.

Но «золотой век» американской мафии начался после введения «сухого закона» в 1919 г. Как предшествовавшие события, так и последствия этого закона заслуживают отдельного внимания, поскольку хорошо иллюстрируют сложные причинно-следственные связи и роль непреднамеренных последствий в генезисе социальных институтов. Введению «сухого закона» предшествовало появление широкого общественного движения – «движения за воздержание» [temperance movement], которое было инициировано Американским обществом воздержания, основанным консервативной протестантской частью американского населения в 1826 г., а также Женской христианской лигой воздержания и Американской лигой против салунов [Anti-Saloon League of America]. Впоследствии была создана Национальная партия за запрет алкоголя, которая перенесла широкую общественную инициативу по борьбе с пьянством в сферу законодательной политики. Однако, как выявило исследование, проведенное Джозефом Гусфилдом, в действительности это движение было направлено против новых иммигрантов, прежде всего ирландских католиков, которые и играли роль «модельных» пьяниц, разлагающих трудолюбивую протестантскую Америку²⁸. Антиалкогольное движение было, по сути, классовой борьбой с этническим и религиозным оттенком – борьбой белого протестантского сегмента за рынки труда, лучшие поселенческие территории и другие возможности, против ирландцев, а также евреев, итальянцев и других не англоговорящих групп. В результате в январе 1919 г. была принята знаменитая 18-я поправка, а через 9 месяцев – подзаконные акты, регламентировавшие исполнение закона. Практически сразу начался рост подпольного алкогольного бизнеса – теневого производства, а также «черного» импорта алкоголя из Канады, открытие подпольных баров и клубов (известных как *speakeasies*), которых в одном Чикаго во времена «сухого» закона насчитывалось до 10 тысяч. Наиболее активными и эффективными в организации этого бизнеса оказались итальянские иммигранты и прежде всего выходцы с Сицилии, многие из которых прибыли в США, спасаясь от репрессий против мафии, развернутых Муссолини (наиболее известные среди них – Джозеф Боннано, Джозеф Профачи и Сальваторе Маранзано). Таким образом, сочетание борьбы между американскими протестантами и ирландскими католиками, законодательных мер в США и государственной политики в Италии этого же времени привели к последствиям, которых никто не планировал и не предсказывал. Открылась новая предпринимательская ниша и новые возможности, которыми, в силу имевшихся навыков и организации, воспользовались прежде всего итальянские иммигранты. В результате того что отрицательные следствия явно перевешивали положительные, уже в 1933 г. закон был отменен. Но именно в этот период сформировались мощная теневая экономика и организованная преступность, с которой власти США будут бороться последующие сорок лет, а мафия будет последовательно переносить свою деятельность в новые сферы: азартные игры, управление профсоюзами, торговля наркотиками и т.д.

²⁷ Lyman M., Potter G. Organized Crime. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1997. P. 102–103.

²⁸ Gusfield J. Symbolic Crusade: Status Politics and the American Temperance Movement. Urbana: University of Illinois Press, 1963.

Символом новой организованной преступности стали чикагские гангстеры и лидер наиболее крупной группировки Альфонс Капоне. Он родился, вырос и начал свою преступную деятельность в Нью-Йорке, но в 1920 г. после совершения нескольких убийств перебрался в Чикаго, примкнув, вместе со своим наставником Джонни Торрио, к сицилийской мафиозной группе Джима Колоссимо, курировавшего проституцию. Вскоре Колоссимо был устранен, и Торрио с Капоне вложили все силы и средства в организацию подпольного алкогольного бизнеса, который приносил обоим до 100 тыс. долл. чистой прибыли в неделю. По инициативе Капоне чикагские гангстеры, заключив перемирие, разделили Чикаго на зоны влияния, и конкурирующей ирландской группировке О'Бэньона досталась северная часть города. Но перемирие продлилось до 1924 г., после чего началась война, послужившая прообразом для всех гангстерских боевиков. О'Бэньон был убит, и лидерство «северных» перешло к Чарльзу Морану, чей штаб находился в просторном гараже на Кларк стрит. Знаменитый эпизод этой войны вошел в историю как «бойня в день Святого Валентина». 14 февраля 1929 г. по приказу Капоне три киллера, переодетые полицейскими, подъехали к гаражу, вошли в него, поставили к стенке якобы для обыска семерых находившихся там и ничего не подозревавших гангстеров и хладнокровно расстреляли их всех. Сам Моран, который также должен был туда прийти, опоздал, и это спасло ему жизнь. Но вскоре его влияние сошло на нет, и Капоне практически монополизировал организованную преступность в Чикаго. В апреле 1930 г. Криминальная комиссия Чикаго опубликовала список 28 «врагов общества», который возглавлял Капоне – «враг общества номер один». Примечательно, что всего лишь год спустя киностудия «Warner Brothers» выпустила о Капоне фильм «Враг общества» [«Public Enemy»] (режиссер Джеймс Кэгни), в котором известный гангстер был обаятелен, имел хорошие манеры и вел роскошный образ жизни, став своего рода ролевой моделью для Америки 1930-х гг. По мнению социолога Дэвида Рута, именно после того, как Голливуд сконструировал Капоне, гангстер стал центральной фигурой американской культуры. Его образ помогал американцам осваивать и осмысливать быстро меняющийся мир²⁹. Сам Капоне, как известно, летом 1931 г. был посажен в тюрьму на 11 лет за уклонение от уплаты налогов, в 1939 г. освобожден досрочно по состоянию здоровья и в 1947 г. умер своей смертью³⁰.

В Нью-Йорке в это время наблюдался аналогичный бум бутлегерства и организованной преступности. В 1930 г. там тоже начался конфликт между крупнейшими конкурирующими группировками – Джо Массерии и Сальваторе Маранзано, вошедший в историю как «Кателламарезская война» (по названию городка на Сицилии). Причиной большинства таких войн было то, что гангстеры периодически перехватывали грузовики с алкоголем, принадлежащим конкурентам, и отнимали товар. Кульминацией войны стало убийство обоих боссов, сначала Массерии, а потом Маранзано, классического сицилийского мафиозо, ставшего на короткое время после смерти конкурента «боссом всех боссов». Убийство было подготовлено новыми молодыми гангстерами Чарльзом «Лаки» Лучиано, Джо Адонисом, Франком Костелло, Мейером Лански и Бенджамином Зигелем («Багси Зигель», которому американский народ обязан появлением Лас-Вегаса), работавшими сначала с одним, а потом с другим лидером и предавшими обоих для того, чтобы самим занять господствующие позиции в преступном мире Нью-Йорка. Впоследствии американский криминалист Дэвид Кресси напишет, что в течение нескольких дней после убийства Маранзано, произошедшего 10 сентября 1931 г., последовала серия из сорока других убийств и что это было устранение классических сицилийских мафиози новыми молодыми гангстерами, руководствовавшимися исключительно интересами бизнеса. В отличие от своих «усатых» сицилийских донов, чтивших сельские традиции родины, новое поколение городских гангстеров выросло в

²⁹ Ruth D. *Inventing the Public Enemy: The Gangster in American Culture, 1918–1934*. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

³⁰ Подробнее см.: Bergreen L. *Capone: The Man and the Legend*. L.: MacMillan, 1994.

Бруклине и Бронксе. Они были рациональны, динамичны, руководствовались исключительно интересами бизнеса и были гораздо лучше интегрированы в американское общество, разделяя его ценности и стремление к успеху, который измерялся прежде всего деньгами. И хотя постепенная смена поколений в американской мафии на рубеже 1930-х гг. действительно имела место, обширный заговор, на который указывали представители официальной американской криминалистики, был скорее всего мифом. Историк мафии Алан Блок, проверив все основные американские газеты, вышедшие в течение месяца после убийства Маранзано, обнаружил только три других убийства, которые могли бы быть как-то связаны, что полностью опровергало версию об организованной «чистке» мафии³¹.

Тем не менее версия властей о существовании мафии как обширной подпольной организации, состоявшей преимущественно из сицилийцев и представителей других этнических групп, своего рода заговоре иммигрантов, приобрела популярность по мере усиления борьбы с организованной преступностью. В предвоенные годы борьбу с мафией возглавил прокурор Нью-Йорка Джон Дьюи, наивысшим достижением которого стало уголовное дело против «Лаки» Лучиано за принуждение к проституции, закончившееся осуждением главы нью-йоркской мафии на 50 лет (однако он был освобожден досрочно). Новый этап борьбы властей с мафией пришелся на 1950 г., когда была создана так называемая Комиссия Кефауэра (по имени сенатора от штата Теннесси Эстеса Кефауэра). В течение двух лет перед комиссией предстали около 600 свидетелей, давших показания о различных аспектах деятельности организованной преступности. Слушания комиссии показывались по телевидению, что впервые сделало мафию фактом публичной жизни в США. Однако показания в пользу существования разветвленного преступного синдиката давали только представители власти, ФБР и Комиссии по наркотикам, в то время как все представители мафии, вызванные на слушания, говорили, что ничего о мафии не слышали (этот эпизод нашел отражение во второй части фильма «Крестный отец»). Единственным свидетельством, исходившим «с той стороны», стали показания Джо Валачи, данные им перед комиссией сенатора МакЛеллана в 1963 г. Валачи был одним из рядовых членов мафиозного семейства Гамбино в Нью-Йорке, затем попал в тюрьму, где совершил убийство другого члена мафии и, опасаясь мести, вынужден был пойти на сотрудничество с властями в обмен на гарантии безопасности. Именно Валачи ввел в обиход термин «La Cosa Nostra» (в котором определенный артикль «La» обозначал некую осязаемую сущность в отличие от просто «общего дела»), рассказал о существовании некоего верховного совета мафии под названием «Комиссия», описал жесткую иерархическую структуру мафии, ритуал инициации и назвал основные территории мафиозных семей. В результате показаний Валачи окончательно оформилась теория организованной преступности, представлявшая ее как единую иерархическую организацию, и теория этнического заговора, обвинявшая во всем представителей меньшинств. Наиболее полно эта теория выражена в работе Кресси «Похищение нации: структура и операции организованной преступности в США» (1967)³². По данным ФБР, к началу 1970-х гг. американская мафия насчитывала до 3 тыс. человек, организованных в 24 мафиозных семьи.

³¹ Block A. History and the Study of Organized Crime // Urban Life. 1978. No. 6. P. 455–474. См. также: Block A. East Side – West Side: Organizing Crime in New York, 1930–1950. New Brunswick: Transaction Books, 1983.

³² Cressey D. Theft of the Nation: The Structure and Operations of Organized Crime in America. N.Y.: Harper and Row, 1969.

Дебаты о природе мафии и ее деятельности

Американские социологи и антропологи предложили видение мафии, которое существенно отличалось от картины, нарисованной официальной криминологией³³. В 1953 г. впервые вышла ставшая широко известной статья Дэниэла Белла «Преступность как американский образ жизни»³⁴. Ее основной тезис заключался в том, что в США организованная преступность является «причудливой лестницей социальной мобильности» [queer ladder of social mobility], т.е. выполняет важную социальную функцию и поэтому обладает значительной культурно-символической притягательностью. Эта идея легла в основание теории этнического наследования, согласно которой каждая новая этнокультурная группа, прибывшая в США, проходит стадию организованной преступности, прежде чем ей удастся интегрироваться в американское общество и повысить свой статус (фильм «Крестный отец» является иллюстрацией именно этой теории). Отчасти это происходило потому, что иные каналы вертикальной мобильности были недоступны или монополизированы другими этническими или конфессиональными группами. По мере восхождения одной этнической группы по «лестнице» благосостояния и престижа, во многом за счет коррупции и легализации криминальных доходов, освободившуюся нишу организованной преступности занимает другая группа, и т.д. Если первоначальной этнической основой организованной преступности были ирландские и еврейские иммигранты, то постепенно их сменили итальянские, затем, по мере интеграции последних в деловой мир и политический истеблишмент, эту нишу заняли чернокожие, а также мексиканцы, затем выходцы из Китая и юго-восточной Азии, и т.д.

Антропологические исследования Джозефа Албини и Фрэнсиса Янни наполнили теорию этнического наследования богатым эмпирическим содержанием и нарисовали альтернативную картину структуры и деятельности американской мафии. Албини, исследовавший преступный мир Детройта, утверждает, что мафия организована по сетевому принципу, в котором основную роль играют отношения дружбы, родства и патронажа. Лидеры мафии – это люди, на которых замыкаются множественные связи, соединяющие легальный и нелегальный бизнес, которые могут предоставлять различным теневым группам контакты с политиками и другими влиятельными людьми для создания возможностей по извлечению дохода. При этом такие альянсы часто носят временный характер, включая множество людей, не имеющих постоянного отношения к преступному миру. Албини утверждает, что мафия не является тайным обществом, а представляет собой синдикат, состоящий из системы слабо структурированных отношений, функционирующих прежде всего потому, что каждый участник заинтересован в улучшении своего благосостояния»³⁵.

Исследования Янни подтвердили то, что «организация» преступности далека от современной иерархической бюрократической модели. Связи в преступных группировках имеют традиционный характер, т.е. высоко персонифицированы, аффективны, а преступные организации «не имеют структуры, которая была бы независима от их текущего персонала»³⁶. Помимо изучения итальянской организованной преступности, Янни предпринял попытку анализа преступного мира чернокожего и пуэрто-риканского

³³ Подробный обзор представлен в статье: Lupsha P. Organized Crime in the United States / Kelly R. (ed.). Organized Crime: A Global Perspective. N.Y.: Roman and Littlefield, 1996. P. 33–57.

³⁴ Bell D. Crime as an American Way of Life // Bell D. The End of Ideology. Glencoe: The Free Press, 1967.

³⁵ Albin J. American Mafia: Genesis of A Legend. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971. P. 288.

³⁶ Ianni F. Ethnic Succession in Organized Crime. Washington, DC: US Government Printing Office, 1973. P. 20.

населения, к которому переходили наиболее криминализованные виды бизнеса по мере того, как итальянцы перемещались в легальную сферу. Этим он нашел не только подтверждение идеи Белла об этническом наследовании, но и показал наличие различных форм социальной организации преступности в зависимости от этнических корней. Сицилийский тип организации и социального контроля, который давал выходцам с итальянского юга конкурентные преимущества в мало престижных полулегальных сферах жизни, постепенно уступал место другим, более гибким формам организации³⁷.

Версия официальной криминалистики, согласно которой основным бизнесом организованной преступности является поставка населению запрещенных законом товаров и услуг, послужила также отправной точкой дебатов об экономической составляющей деятельности мафии. Альтернативную точку зрения выразил Томас Шеллинг, известный своими работами в области теории игр и теории сдерживания [deterrence]. По его мнению, основным бизнесом организованной преступности является установление монополии для регулирования других видов бизнеса и организованного вымогательства. Мафия использует насилие для установления монопольного контроля над теми сегментами рынка, которые государство объявило нелегальными и на которые защита и контроль со стороны государства не распространяются. Поэтому организованная преступность осуществляет охрану и регулирование других криминальных видов деятельности и собирает налог, выступая в качестве правительства. Поставщики нелегальных товаров и услуг, таким образом, сами являются жертвами организованной преступности³⁸. В книге, написанной по результатам устного интервью с несколькими членами итальянской организованной преступности, Говард Абадинский приводит интересное свидетельство в пользу точки зрения Шеллинга – запись разговора мафиозо с мошенником, предоставленную бывшим начальником отдела расследований полиции Нью-Йорка. Некто «Вуди» мошенническим способом присвоил 500 тыс. долл., принадлежавших универмагу «Мэйз», а Кармин Персико по кличке «Змея», один из боссов мафиозной семьи Профачи, контролировавшей Бруклин, «просит» его заплатить значительную сумму, хотя сам никакого участия в операции не принимал. Персико приводит следующий аргумент:

– ...Когда ты получаешь работу в телефонной компании или даже в универмаге «Мэйз», они берут с тебя налоги на каждую зарплату, так?

– Так, – отвечает «Вуди».

– Тогда ты можешь спросить, имеет ли правительство право заставлять тебя платить налоги? Ответ на этот вопрос, Вуди, таков, что ты платишь налоги за право жить и работать и зарабатывать деньги в легальном бизнесе. Вот, так это та же самая ситуация – ты провернул дело в Бруклине; ты очень старался и заработал много денег. Теперь ты должен заплатить налог на это – так же, как и в нормальном мире. Почему? Потому, что мы тебе это позволяем. Мы – правительство³⁹.

Следует, однако, подчеркнуть, что одно из основных отличий американской мафии от сицилийской состояло в том, что первая действовала в основном в нелегальных и полулегальных секторах американской экономики и никогда не имела ни моральной поддержки со стороны населения, ни политической легитимности.

³⁷ Ianni F. *Black Mafia: Ethnic Succession in Organized Crime*. N.Y.: Simon and Schuster, 1974.

³⁸ Schelling T. *Economics and Criminal Enterprise; What is the Business of Organized Crime* // Schelling T. *Choice and Consequence*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984. P. 158–194.

³⁹ Abadinsky H. *The Mafia in America: An Oral History*. N.Y.: Praeger, 1981. P. 30.

Современные исследования мафии заимствуют способы интерпретации, выработанные новым институционализмом и экономической социологией. В частности, дальнейшее развитие получила идея о том, что специфика институциональной среды (законы, правила) определяет способ адаптации организаций (фирм) и специфику навыков работников таких организаций. Из этого следует, что государственная правовая политика или возникновение несоответствий между законами и возможностями их применения [enforcement] может способствовать появлению организаций, эксплуатирующих несовершенства правовой системы. Несовершенная система прав собственности и их защиты ведет к появлению частных предпринимательских организаций, создающих альтернативные государству правовые системы и правоприменительные механизмы.

Иллюстрацией применения этого подхода для объяснения деятельности мафии может служить исследование американских правоведов Куртиса Милхаупта и Марка Уэста, посвященное японской организованной преступности, так называемой «якудзе»⁴⁰. В 1997 г. организованная преступность в Японии насчитывала 80 100 человек (в 1963 г. их было 184 091 человек), организованных в большие корпорации. Наиболее крупная группировка Ямагучи-гуми насчитывает до 18 тыс. человек. Семья якудзы представляет собой иерархическую организацию, похожую на фирму, со своей эмблемой, визитными карточками, офисом и т.д.

С одной стороны, группировки якудзы контролируют традиционные виды «индустрии пороков»; они также активны в сфере уличной торговли и в строительстве. С другой стороны, важными сферами деятельности якудзы являются проведение банкротств, получение долгов и посредничество между квартиросъемщиками и собственниками в жилищном секторе. Здесь активность якудзы объясняется несовершенством законодательства. В результате постоянного заимствования схем регулирования банкротства в японском законодательстве присутствует несколько параллельных схем, вследствие чего эффективного механизма банкротства, который бы давал возможность удовлетворять права кредиторов, так и не сформировалось. Поэтому большинство банкротств происходят частным образом с привлечением посредников, которыми могут быть либо лицензированные адвокаты, либо представители якудзы, так называемые *сейрия*, частные посредники. Якудза получает дополнительные предпринимательские возможности и за счет того, что сложная процедура получения адвокатской лицензии в Японии создала дефицит адвокатов. Законодательство, регулирующее отношения между квартиросъемщиками и владельцами, составлено так, что дает преимущества квартиросъемщикам и делает процедуру их выселения, особенно в случае нового строительства, требующего разрушения старых домов, практически невозможным. Поэтому улаживание споров и насильственное выселение жильцов часто берет на себя якудза. Специфика японской организованной преступности состоит в ее полулегальном статусе. С исследовательской точки зрения, по мнению Милхаупта и Уэста, она представляет собой наилучший пример того, как несовершенное государственное регулирование создает организованную преступность.

⁴⁰ Milhaupt C., West M. The Dark Side of Private Ordering: An Institutional and Empirical Analysis of Organized Crime // University of Chicago Law Review. 2000. Vol. 67. No. 1. P. 41–98.